

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.26>

Коноплева Анна Алексеевна

Феномен "обнуления" в современной культуре

Достаточно часто пропагандируемым феноменом современной культуры является культурное "обнуление", связанное с попыткой избавиться от тягостных шаблонных форм, заангажированных оценок с целью поиска чистого, собственного "Я". Цель исследования - выявление "обнуления" как феномена современной культуры. В работе рассматриваются индивидуальный и массовый уровни его реализации, а также проводится сопоставительный анализ влияния "обнуления" на элитарную и массовую культуру. Научная новизна состоит в том, что впервые исследуется мифологическая детерминированность культурного "обнуления". В результате устанавливается, что культурное "обнуление" имеет амбивалентный характер, деструктивно влияя на элитарную культуру и стимулируя развитие иммерсивных проектов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/9/26.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 136-139. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.26>

Дата поступления рукописи: 11.08.2020

Достаточно часто пропагандируемым феноменом современной культуры является культурное «обнуление», связанное с попыткой избавиться от тягостных шаблонных форм, заангажированных оценок с целью поиска чистого, собственного «Я». Цель исследования – выявление «обнуления» как феномена современной культуры. В работе рассматриваются индивидуальный и массовый уровни его реализации, а также проводится сопоставительный анализ влияния «обнуления» на элитарную и массовую культуру. Научная новизна состоит в том, что впервые исследуется мифологическая детерминированность культурного «обнуления». В результате устанавливается, что культурное «обнуление» имеет амбивалентный характер, деструктивно влияя на элитарную культуру и стимулируя развитие иммерсивных проектов.

Ключевые слова и фразы: культурное «обнуление»; индивидуальный уровень; массовый уровень; элитарная культура.

Коноплева Анна Алексеевна, к. филос. н.

Крымский филиал Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации,

г. Симферополь

konoplyova.artcrimea@gmail.com

Феномен «обнуления» в современной культуре

Актуальность. Современное общество постепенно привыкает к невозможности существования в статике. На фоне разнообразных социальных, политических, экономических и прочих трансформаций активно реализуются и изменения, постепенно проникающие в суть культуры. При этом оказываемое воздействие наиболее выразительно осуществляется на мировоззренческом уровне, подчеркивая важность внутренних преобразований и зыбкость материальной составляющей культуры. Накопление культурных паттернов и артефактов неуклонно ведет современное поколение к переоценке всего того, что дала нам современность, которая часто сопровождается желанием начать «все сначала» и по-новому взглянуть на происходящие события. Переизбыток информации и сформированных на ее основе знаний, как это ни парадоксально, заставляет современного человека задуматься о сомнении как единственно верном способе постижения реальности и необходимости анализа мира сквозь призму собственного опыта, не обремененного шаблонными конструкциями, в том числе и создаваемыми им самим.

В этих обстоятельствах феномен «обнуления» уже воспринимается как нечто закономерное и вполне оправданное вызовами современной эпохи. Вместе с тем однозначное понимание «обнуления» применительно к культуре в научных кругах не сформировалось. В связи с этим цель проводимого исследования состоит в анализе «обнуления» как феномена современной культуры, изучении его культурологических предпосылок и социокультурных последствий. Реализация цели предполагает решение *задач*, направленных на изучение культурологических детерминант обращения к «обнулению», а также рассмотрение сути данного феномена на конкретных примерах.

Ключевыми стали аксиологический, феноменологический и функциональный подходы, а также комплекс общенаучных и философских *методов*, позволивших многогранно изучить проблему. *Теоретическая база* сформирована на основе анализа трудов известных исследователей Ж. Бодрийяра, Б. Малиновского, Дж. Фрэнзера, а также критических заключений П. Д. Волковой, С. А. Колесниковой, А. А. Крола и работ иных исследователей, рассмотрение которых позволяет изучить особенности восприятия исследуемого феномена. *Практическая значимость* статьи заключается в возможности применения полученных выводов и результатов в ходе анализа современных культурных процессов.

Стремление к нулю, в отличие от стремления к бесконечности, не столько при использовании математического подхода, а скорее при метафоричном рассмотрении констатирует наличие предельного значения, неких рамок. Вместе с тем соединение нуля с единицей формирует двоичную систему счисления, которая и ныне составляет основу современных информационных систем. В связи с этим исследователь М. Ю. Смирнов отмечает: «...обнуление – это вовсе не безысходность, если все остальные счетные символы, числа, номера состоят либо из единиц, либо из единиц и нулей» [12, с. 138]. Возможно, именно таким позитивным контекстом употребления и объясняется активное использование в наше время понятия «обнуление», широко применяемого в психологии («обнуление сознания», «обнуление жизни»), в экономике («обнуление экономики»), социологии («обнуление человечества»), культурологии («обнуление культуры», «обнуление искусства»), а также других научных и бытовых дискурсах.

Применение термина, особенно нового, нередко сопровождается терминологической путаницей и подменой понятий, что не позволяет в полной мере классифицировать и оценить скрывающийся за ним феномен с точки зрения его пользы. Контексты обращения и к «обнулению» отличаются своей полярностью: от пиковых кризисных процессов, провоцирующих разрушение, до необходимых психических трансформаций, ведущих к созиданию. К примеру, в психологии «обнуление» ассоциируется со счастьем, жизнью «здесь и сейчас», состоянием «безмятежного покоя и тихой радости, когда нет ни страданий, ни страхов, когда ничто не беспокоит и не тревожит» [7, с. 54]. Польза такого состояния доказывается медицинскими

фактами [Там же]. Абстрагируясь от взглядов психологов, необходимо отметить, что в позитивном контексте «обнуление» воспринимается как попытка избавиться от тягостных шаблонных форм, заангажированных оценок с целью поиска чистого, собственного «Я».

Однако российский искусствовед П. Д. Волкова трактовала «обнуление» отнюдь не в положительном контексте. Рассматривая «обнуление» в искусстве, исследователь сравнивала данное явление с тем, как зрителю «вместо шедевра подсовывают новодел» [3], мировоззренческий иммунитет к которому может быть сформирован только при условии сохранения целой системы значимых элементов, включающих культурную память, преемственность поколений, передачу профессиональных навыков и мастерства – без этого невозможно создание гармоничной, эрудированной личности, способной корректно воспринять искусство. При этом важно, чтобы «жизнь в пустоте» означала самозарождение [Там же] чего-то стоящего, а не ситуацию безысходности и отчаяния, возникающих вследствие отказа от консервативности во всех ее проявлениях. П. Д. Волкова касается важной проблемы: человек, находящийся в начале системы координат, открытый ко всему новому, уходящий от прошлого и навязанного извне, становится уязвимым.

Безусловно, невзирая на популярность современного стремления к отходу от всяческих традиций, даже в феномене культурного «обнуления» можно идентифицировать корни, уходящие глубоко к истокам зарождения цивилизаций. Однако в отличие от современников, расположенных к образному, абстрактному восприятию действительности, воззрения представителей древних цивилизаций отличались конкретикой и однозначностью. С этой точки зрения интерес представляет характерный для египтян и древних африканских народов обряд ритуального убийства правителя («царя-колдуна» [14]). Нельзя констатировать единодушие исследователей в вопросе изучения хода всего ритуала «хеб-сед» («праздник хвоста») и его связи с бытом конкретного народа, однако его назначение практически не вызывает сомнения. Символическое убийство и последующее рождение фараона преследовали цель удержания власти и символизировали обретение им новых сил для выполнения своих функций. Следует отметить, что периодичность совершения обряда детерминирована сроком пребывания у власти и, как правило, берет начало с тридцатого года правления. Первоначально умерщвление имело буквальный характер и осуществлялось новым, молодым, претендентом на власть. Естественная смерть фараона не приветствовалась, поскольку не могла стать способом единения силы старого и нового правителей. Позже ритуал приобрел символическую форму и не предполагал передачу власти другому лицу. Обновление осуществлялось с помощью сложной обрядовой системы, фактически инсценирующей момент смерти (захоронения статуи правителя), зачатия, рождения и обретения силы фараоном. В частности, последнее действие можно считать ключевым. Оно носило наименование «хеб-седного бега» и предполагало открытую демонстрацию физических возможностей и навыков охоты обновленного правителя [6].

Если в эпоху древних цивилизаций основным мотивом для «обнуления» жизни фараона становилось желание жить и править, то на сегодняшний день мотивы несколько иные. Причиной необходимости изменения основ своего существования во многом следует считать накопленный массовой культурой массив артефактов и смыслов, в которых количество превалирует над качеством, а жизнь становится существованием. Их недолговечность и непостоянность наталкивают обывателей на мысль о недопустимости формирования привязанностей. Окружающие человека вещи «рождаются, совершенствуются и умирают, тогда как во всех предшествующих цивилизациях именно вещи, инструменты или долговечные Монумены жили дольше, чем поколения людей» [1].

Отсюда следует сразу несколько проблем. «Обнуление» критическим образом отражается на элитарной культуре, поскольку призвано разрушить многовековой фундамент строительства не только ее самой, но и того зрителя, который способен воспринять произведения, относящиеся к элитарной культуре. Массовая культура отличается большей адаптивностью и разноликостью, поэтому отказ от ее какого-то проявления не является критичным (например, потеря популярности какого-либо телевизионного сериала, стиля в искусстве и т.д.) и скорее связан с финансовыми потерями. Вместе с тем ее неотъемлемой чертой является простота и доступность. Ввиду репродуктивного характера предлагаемых массовой культурой произведений значительного обогащения внутреннего мира ее поклонников не происходит. Потребление формирует убеждение о том, что «современный массовый человек – варвар – детище самой цивилизации – нападает на цивилизацию изнутри» [11], провоцируя разрушение.

Подвергая анализу «обнуление» как явление культуры, можно проследить его реализацию на двух уровнях: индивидуальном и массовом. Не отрицая взаимозависимость индивидуального и массового сознания, отметим, что на индивидуальном уровне осуществляется работа над собственным внутренним миром в противовес кризисным явлениям. В условиях современной культуры, где рамки очерчены пунктиром, а крайности становятся нормой [15], возвращение к истокам не всегда означает возврат к моменту своего рождения, а часто касается периода до него. Типичный пример современной культуры – вариативное отношение к гендеру, при котором отказ от четкого полового деления становится способом решения внутриличностных разногласий, полностью перестраивая систему традиционных социальных отношений. Более того, на сегодняшний день представителями западной цивилизации доказывается обратное: гендер изначально был изменчивым конструктом. Тем самым постепенно происходит «обнуление человечества», ведущее к невозможности продолжения рода.

Ситуация добавляет сложности тот факт, что «обнуление» на индивидуальном уровне необратимо проходит этап маргинальности, поскольку для определения своей «истинной сущности» человек вынужден абстрагироваться от общества и его шаблонов. А это значительно усложняет процесс социальной адаптации, который в условиях современной культуры реализуется скорее в виртуальном пространстве, в котором память человека заменяется возможностями устройства. Такая «чистота» становится опасной для независимого существования человека и обращается диджитальной аддикцией [9].

Поистине классическим стал вывод Б. Малиновского, сделанный в результате изучения жизни африканских племен, о том, что «уходящая корнями в традицию система социальных, экономических и правовых факторов и ценностей остается для африканца источником силы и вдохновения» [8, с. 377] даже после внедрения в его жизнь новых социальных систем. Тем самым подчеркивается первостепенность восприятия «обнуления» представителями культур, предпочитающих традиции инновацию [2]. Вместе с тем полное отрицание традиций несет в себе опасность глобального масштаба: разрыв с традицией способен породить экстремальные проявления. «Современная же система творчества нередко базируется на постмодернистском принципе рекомбинации, усматривающем все новое как незаурядное совмещение традиционных форм» [5, с. 62].

Процесс культурного «обнуления» предполагает отказ от традиционности и классического восприятия искусства, поэтому интерес представляют критические рассуждения о современном искусстве «обнуления», которое подвергается оценке экспертов, не «готовых отдать ни одну фразу Чехова за горы иммерсивных проектов» [4, с. 42]. Это неуклонно ведет нас к очередному столкновению приверженцев искусства и псевдоискусства, классики и новаторства, нередко замаскированных под вечный конфликт «отцов и детей». Вместе с тем иммерсивность для современного искусства является необходимым элементом, условием его востребованности у молодого поколения. В таких условиях, безусловно, только время выступает главным верификатором происходящих в культуре изменений. Вместе с тем нельзя забывать о том, что время неумолимо стирает память и подводит человечество к точке невозврата.

Упомянутое ранее фигуральное выражение Ж. Бодрийера в наших реалиях как никогда точно описывает особенности эпохи, поэтому заслуживает отдельного внимания. Переходя на уровень массового сознания, «обнуление» приобретает деструктивный характер, разрушающий культуру. Речь идет, в первую очередь, о стирании коллективной памяти. Характерный пример этому – «обнуление прошлого» [13, с. 177]. Благодаря гибкости современных проявлений культура становится удобным механизмом изменения сознания целых народов и поколений.

Ю. Тагильцева видит главной мишенью «обнуления» события Второй мировой войны, что связано с тем, что Великая Отечественная война и Победа в ней уже на протяжении семидесяти пяти лет символизируют сплочение, единение, стойкость всех народов, проживавших ранее в границах СССР, безграничность их духовного и нравственного потенциала [Там же], и «замахнуться на это “святое” значит разрушить все исторические, культурные связи, связывающие братские народы...» [Там же, с. 179], принимавшие участие в борьбе с агрессором.

Если в данном случае речь идет о фальсификации истории, то на волне проблем расовой дискриминации появляется и другой способ борьбы с прошлым, характерный для государств Запада. Летом 2020 года после превышения полномочий сотрудником полиции США по отношению к темнокожему гражданину, повлекшего гибель последнего, Западная Европа и США погрязли в акциях протеста. Народные массы, возбужденные лозунгами организации “Black Lives Matter”, начали активную борьбу с расовой дискриминацией посредством санкционированного или же самопроизвольного уничтожения монументов выдающихся личностей, чья деятельность была связана с колониальной политикой или рабством. В список негодных попали: королева Виктория, король Леопольд II, У. Черчилль, С. Родс, Х. Колумб, Дж. Дэвис и др. При этом положительные заслуги личностей, способствующих развитию и укреплению западной цивилизации, не упоминаются. Э. А. Паин метко отмечает, что наилучшим фактором сплочения народа являются трагические страницы его истории [10]. Именно поэтому удар, наносимый по истории, – это удар, приобретающий перспективную ориентированность, и на самом деле устремлен в будущее.

Выводы. Очевидно, что феномен «обнуления» становится неотъемлемой составляющей развития современной культуры. Однако вместо очищения сознания от стереотипных убеждений и шаблонных форм, мешающих объективному восприятию культурных фактов, происходят рафинирование мышления и стирание памяти. Проблема нынешнего поколения состоит в попытке не переосмыслить события, формирующие культурную память народа, в соответствии с актуальными потребностями эпохи, а изменить ее, что чревато серьезными проблемами в будущем. Важно, чтобы «обнуление» в культуре не предполагало ее тотальное истребление и строительство с нуля, а связывалось с глубоким анализом прошлых событий. Хотя и последнее несет в себе ощутимый элемент опасности и невозможно без участия современной личности, находящейся далеко от начальной точки системы координат в своем интеллектуальном и культурном развитии.

Список источников

1. **Бодрийер Ж.** Общество потребления [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=106836&p=1> (дата обращения: 18.08.2020).
2. **Буткевич С. А.** Сущность инноваций и их влияние на развитие общественных процессов: социально-правовая и криминологическая оценки // Юристы – Правоведь. 2017. № 2 (81). С. 82-88.
3. **Волкова П. Д.** Мост через бездну. Книга 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://design.wikireading.ru/6071> (дата обращения: 18.08.2020).
4. **Колесникова С. А.** Территория «обнуления» искусства // Страстной бульвар, 10. 2019. № 7 (217). С. 37-42.
5. **Коноплева А. А., Буткевич С. А.** Традиции и инновации: точки экстремальных значений // Философия права. 2018. № 1 (84). С. 57-64.
6. **Крол А. А.** Египет первых фараонов. М.: Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино, 2005. 254 с.
7. **Кундышева Е. С., Суслаков Б. А.** Очищение подсознания – путь к духовности и любви к себе, а значит, к счастливой жизни в творчестве с вдохновением // Вестник образовательного консорциума «Среднерусский университет». Серия «Гуманитарные науки». 2016. № 8. С. 51-56.

8. **Малиновский Б.** Научные принципы и методы исследования культурного изменения // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры / ред. Л. А. Мостова. Изд-е 2-е. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. С. 371-384.
9. **Никитина Л. Н.** Исследование взаимосвязи чрезмерного увлечения компьютерными играми и девиантного поведения несовершеннолетних // Феноменология и профилактика девиантного поведения: материалы X Международной научно-практической конференции. Краснодар: Краснодарский университет МВД РФ, 2017. С. 201-204.
10. **Паин Э. А.** Этнополитический экстремизм в России: социально-культурные истоки и причины неэффективности принимаемых мер противодействия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0231/analit01.php> (дата обращения: 15.07.2020).
11. **Пятилетова Л. В., Тимофеев О. И.** Человек массового общества в его отношении к искусству и «аристократии»: «обнуление» и «конец культуры» [Электронный ресурс] // Концепт. 2015. № 10. URL: <http://e-koncept.ru/2015/15341.htm> (дата обращения: 01.08.2020).
12. **Смирнов М. Ю.** Цифровизация как «обнуление» религий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2019. № 3. С. 137-146.
13. **Тагильцева Ю. Р.** «Мы наш, мы новый мир построим!», или Забвение истории Второй мировой войны как элемент информационной агрессии по отношению к России // Начало Второй мировой войны: национальные историографические традиции и историческая память: материалы Международной научно-практической конференции / гл. ред. В. Н. Земцов. Екатеринбург, 2017. С. 177-182.
14. **Фрэзер Дж.** Золотая ветвь. Новые плоды. Исследование магии и религии / пер. А. П. Хомик. М.: Академический Проект, 2019. 407 с.
15. **Чудина-Шмидт Н. В.** Факторы экстремального поведения личности // Евразийский юридический журнал. 2016. № 7 (98). С. 347-349.

“Nulling” Phenomenon in Modern Culture

Konopleva Anna Alekseevna, PhD

*Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Branch) in Crimea, Simferopol
konoplyova.artcrimea@gmail.com*

The term “cultural nulling” has become highly popular nowadays. This phenomenon is associated with aspiration to break outdated stereotypes, entrenched conceptions in search of our true selves. The research objective includes identifying “nulling” as a phenomenon of modern culture. The paper examines individual and mass levels of its realization, provides a comparative analysis of “nulling” influence on elite and mass culture. Scientific originality of the study is conditioned by the fact that mythological determination of “cultural nulling” has not been previously investigated. The findings indicate that “cultural nulling” has ambivalent nature, exerting negative influence on elite culture and stimulating development of immersive projects.

Key words and phrases: “cultural nulling”; individual level; mass level; elite culture.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.27>

Дата поступления рукописи: 03.08.2020

Цель исследования – определить сущность философской категории «дизайн». Автор предполагает, что дизайн может быть рассмотрен как эстетическая категория, однако содержит смыслы, которые не описываются традиционным рядом эстетических категорий. **Научная новизна** заключается в демаркации категории «дизайн» с категориями «искусство» и «эстетическое» по следующим параметрам: 1) функциональное отличие; 2) отличие происхождения; 3) семиотическое отличие. **Результатом исследования** является формула философской категории «дизайн». Категория «дизайн» связана с эстетической организацией вторичной реальности и характеризуется проективностью, транзитивностью, функциональностью, имманентностью и семиургичностью.

Ключевые слова и фразы: дизайн; искусство; эстетическое; семиотика; трансцендентное.

Панкратова Александра Владимировна, к. филос. н., доц.

*Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт»
sashaoscar@mail.ru*

Дизайн как философская категория

Введение

Актуальность темы исследования. Вопрос о включении дизайна в ряд философских категорий наравне с искусством, эстетическим, прекрасным и т.д. в настоящее время является открытым, однако своевременным, учитывая повсеместность распространения дизайна.

Очевидно, что категория дизайна, если предположить её возникновение в современном философском дискурсе, встанет в ряд категорий эстетики, так как описывает часть реальности, связанную с красотой, художественным, искусством. Однако категория «дизайн» будет описывать тот аспект данной реальности, для которого пока нет эстетической категории.